

Дав обещание этому чертову ангелу, Джеймс быстро осознал: о ремесле певца он не имеет ни малейшего представления. Из автомехаников в музыканты? Смех да и только. Подобный кульбит в биографии выглядел настолько нелепо, словно его на коленке состряпал автор дешевого бульварного чтива.

Хуже всего было то, что он не мог признаться во всем отцу и брату. Не заявишь же им с порога: «Я больше не ищу нормальную работу, меня тут ангел петь позвал». Скажи он такое, Старый Джон и Линд в ответ лишь выразительно хмыкнули бы. А потом, дружески разминая кулаки, поинтересовались бы: «Ангел, говоришь? Джимми, а чертей ты там еще не видел?» — и уложили бы его на лопатки слаженным семейным хуком.

Приходилось каждое утро делать вид, будто он уходит устраиваться учеником в автомастерскую. Едва переступив порог, Джимми в полном одиночестве отправлялся блуждать по городу в поисках любого места, где требовался хоть какой-то голос, способный принести хотя бы пару шиллингов.

Три дня прошли впустую. Джеймс уже подумывал бросить эту затею, как вдруг порыв ветра швырнул ему прямо под ноги сорванную со стекла листовку. Чистая случайность, похожая на ироничный поворот судьбы.

Позже он не раз задумывался, не приложил ли к этому руку его крылатый знакомый, но в тот момент Джеймс ни о чем не рассуждал. Он просто нагнулся и подобрал влажный листок, ухватившись за него, словно утопающий за соломинку. Черным по белому там было выведено: «Требуется вокалист в рок-группу».

Да благословит бог английскую школьную систему! Хоть Джеймс и слыл полукустарным неучем, прочесть эти нехитрые строчки он сумел. Правда, тут же возник каверзный вопрос: а что вообще требуется от солиста на прослушивании?

Рассудив, что за спрос денег не берут, он огляделся по сторонам и приметил парня, вид у которого был вполне богемный. Джеймс бесцеремонно ухватил его за плечо:

— Эй, друг, просвети-ка: что вообще нужно, чтобы заделаться фронтменом в группе?

Случайный прохожий, чье лицо давно стерлось из памяти Джеймса, окинул его оценивающим взглядом и выдал на редкость ядовитую, но точную формулировку:

— Нужна смазливая морда, умение напускать на себя пафос, способность хотя бы отдаленно попадать в ноты, полное отсутствие музыкальных навыков и панический страх торчать на сцене в гордом одиночестве.

Джеймс просиял:

— Матерь божья, да я идеальный кандидат! Эта работенка словно под меня писана!

И он, окрыленный, припустил по адресу. Незнакомец наверняка решил, что связался с умалишенным или законченным простаком, но для Джеймса это было единственным способом подстегнуть собственную храбрость.

Жизнь порой затягивает, как болотная жижа. Чтобы не увязнуть в ней с концами, приходится выдумывать себе праздники на ровном месте — лишь бы не свихнуться от серости. Последние десять лет Джеймс откровенно пинал балду, и ума это ему не прибавило, зато закалило характер. Теперь в его арсенале имелись три бесценные вещи: феноменальная стойкость к любым жизненным неурядицам, неистребимый оптимизм и бронированная, в палец толщиной, наглость.

До прослушивания оставалось всего ничего. Джеймс попытался было навести справки о нанимателях, но в те доинтернетовские времена выудить что-то полезное из груды старых газет и журналов было задачей непосильной. Плюнув на подготовку, он решил положиться на природную харизму — если, конечно, небеса не обделили его этим качеством.

Прослушивание устроили без лишнего пафоса. Экзаменаторами оказались двое сосунков без гроша в кармане и опыта в голове, а само рандеву проходило в пустом классе начальной школы. После обеда малышню отпускали домой, и руководство школы сдавало пустующие кабинеты за гроши.

Джеймс морально готовился расталкивать конкурентов локтями, но в коридоре не оказалось ни души.

«Считай, дело в шляпе»

Он возбужденно сжал кулаки.

Фортуна, однако, подкидывала сюрпризы. Стоило Джеймсу переступить порог и назвать свое имя, как один из сидевших за партой парней так и подпрыгнул на месте:

— Твою дивизию! Джимми Лемон? Какого черта ты тут забыл, придурок? С каких пор ты у нас вокалист?

— Не Джимми, а Джеймс. И с чего бы мне не попробовать? — огрызнулся Джеймс на автопилоте.

Он сощурился, разглядывая крикуна и лихорадочно копаясь в памяти. Озарение снизошло быстро. Не прошло и пяти секунд, как он удивленно выпалил:

— Ланс Уинфилд? Ты-то каким боком к музыке примазался?

— Да, собственной персоной. Захотел и сколотил группу, это моя банда, — небрежно бросил Ланс Уинфилд. — Вот только не припомню, чтобы ты раньше стоял у микрофона. Откуда в твоей анкете взялся «солидный стаж»?

— Я парень скромный, талантами не хвастаюсь, — без зазрения совести соврал Джеймс.

— Хорошо заливать, ты всегда был оболтусом! — Ланс не удержался от мимолетной усмешки.

— Ладно тебе, раз уж я здесь, а у вас все равно шаром покати, дай хоть попробовать, — Джеймс пошел напролом, пустив в ход свое главное оружие — непрошибаемую наглость. — Сам видишь, очередь из желающих на улице не толпится.

— Я ищу качество, а не абы кого, — упрямо буркнул Ланс.

Впрочем, упереться рогом до конца он не мог. На самом деле дать Джимми шанс было не так уж трудно, просто...

Они узнали друг друга с первого взгляда, хотя близкими приятелями никогда не были. Их объединяло лишь то, что они учились в одной школе и умудрились стать там легендарными личностями. Правда, каждый — в своем репертуаре.

На входе в здание школы висел огромный застекленный стенд, где красовались портреты отличников и активистов. Физиономия Ланса Уинфилда занимала там самое видное место, а под ней тянулся бесконечный список регалий: президент ученического совета, член ассоциации образцовой молодежи, звезда школьного театра, лучший спикер дебатов...

Словом, классический маменькин сынок, гордость школы и любимчик преподавателей. Неудивительно, что его имя знал каждый первый на параллели.

Джеймс же снискал славу на противоположном полюсе. Заядлый прогульщик, хулиган, гроза учителей и вечный двоечник, он регулярно вылетал из класса с треском — просто потому, что у преподавателей сдавали нервы. Изгнанного с уроков Джимми обычно определяли на исправительные работы в виде стояния по стойке «смирно» ровно в метре от злополучного стенда почета.

Там они и познакомились.

Отчаянно изнывая от скуки во время бесконечных наказаний, Джеймс часами гипнотизировал взглядом парадный портрет Ланса.

Лансу в те времена тоже, видно, жилось несладко — школьная тоска одинаково душит и примерных мальчиков, и уличную шпану. В один прекрасный день он сам подошел к проштрафившемуся Джимми.

— И чего ты на него так вылупился? Находишь его симпатичным?

— Да нет. Просто рожа у него самая девчоночья.

Выпалив это, Джеймс лениво обернулся к собеседнику. И нос к носу столкнулся с тем самым «девчоночьим» лицом, которое сейчас перекосило от бешеной ярости. Тот смотрел на него так, словно готов был сожрать живьем на месте.

И ведь язык у Джеймса повернулся без всякого злого умысла! Ну кто мог предположить, что на свете водятся самовлюбленные павлины, способные тыкать пальцем в собственный портрет и интересоваться у посторонних, хорош ли он собой?

Что ж, расплата за старые грехи не заставила себя ждать.

— Вообще-то, мне не улыбается брать в состав парня с такой бабской физиономией, — фальшиво вздохнул этот злопамятный гад, возвращая старый должок.

— Полно тебе, нельзя же дискриминировать парня за то, что господь наградил его неземной красотой, — с самым невинным видом парировал Джеймс.

Второй парень, сидевший рядом и выглядевший чуть постарше, не выдержал и прыснул. Почувяв, что между этими двумя пробежала какая-то кошка, он решил разрядить обстановку:

— Да брось, Ланс. Парень уморительный, пусть проорется ради смеха?

Ланс нехотя кивнул, но перед тем как дать Джеймсу микрофон, пафосно изрек:

— Помяните мое слово: только законченный кретин согласится играть с ним в одной банде.

И угадайте, кто в итоге оказался этим самым кретином?

Джеймс, не теряя времени на смущение, во всю глотку затянул гимн «Ты никогда не будешь одинок».

Репертуар у него тогда был небогатый, а эту песню футбольного клуба «Ливерпуль» он знал как свои пять пальцев. Выбора не оставалось: времени на подготовку не было, а этот мотив любой преданный фанат «Красных» напевал с пеленок. С этой песней на устах Джимми рос, пил пиво в пабах, орал кричалки на трибунах и залихватски свистел, меняя слова на отборную брань.

И ведь сработало! Его приняли. Хвала «Ливерпулю», «Красные» навсегда в моем сердце!

Спустя годы Ланс, вспоминая это прослушивание в эфире какого-то телешоу, с улыбкой качал головой:

— В те дни Джимми пел просто отвратительно. Орал как заправский футбольный хулиган: фальшивил, путал слова, безбожно коверкал звуки... Но когда он замолк, я взял ручку и без колебаний вычеркнул всех остальных кандидатов из списка. Музыкантов с поставленным голосом пруд пруди, а вот тех, у кого поет сама душа, — один на миллион.

Джеймс так до конца и не понял, хвалили его тогда или мешали с грязью. Впрочем, это не мешало ему при каждом удобном случае подкалывать Ланса за притворство:

— Заливает он все! Какая, к черту, бумага? В его списке с самого начала значилось лишь одно имя — мое, Джеймса Лемона!

<http://bllate.org/book/19389/1943376>